Всё это придает особый интерес тем житиям и тем житийным иконам и миниатюрам, которые дальше всего отстоят от традиционных агиографических форм, возникли на русской почве и в той или иной мере связаны с фольклором.

В этой связи не лишено интереса исследование икон, иллюстрирующих „Житие“ или, вернее, „Повесть о Петре и Февронии“ Муромских. „Повесть о Петре и Февронии“ стоит особняком среди других памятников древнерусской агиографической литературы и ни по своему содержанию, ни по форме не имеет среди них аналогий. На примере „Повести“ становится ясно, как под влиянием различных источников, главным образом фольклора, княжеское житие отходило от традиционной житийной формы и „как мало оно походило на учено-книжное византийское сочинение“.[1]

Весь образный строй этого „Жития“ позволяет сказать, что в процессе его сложения легендарные мотивы народных сказаний с присущей им своеобразной лирикой органически вошли в состав агиографического повествования и в корне изменили его. Действительно, отличительной чертой данного „Жития“ является его непосредственная близость к сказке (змееборчество, состязание в мудрости, загадки и неисполнимые задания).

С другой стороны, социальные элементы в „Житии“, прославляющем мудрую деву из народа, которая удостоилась почитания в качестве „святой“, обличающем боярские усобицы, отвечающем народной мечте об идеальных правителях, обусловливают живой интерес к „Повести“ на протяжении XIII—XVI веков.

Наличие вполне сложившегося литературного текста „Повести“ в XVI столетии свидетельствует о ее древнем происхождении. Не исключена возможность возникновения основного текста „Жития“ (куда безусловно должны были войти моменты женитьбы князя на простой девушке, изгнания, затем возвращения князя и княгини, их идеального правления, единовременной смерти и погребения „во едином гробе“) непосредственно после смерти популярных князя и княгини Муромских.[2] Аналогию можно видеть в возникновении „Жития“ князей Бориса и Глеба сразу после их убиения. Последующие наслоения сказочных элементов „Повести“ произошли в течение длительного периода, окончившегося однако до XV столетия, ибо уже в „Каноне“ и „Службе“ Петру и Февронии, датируемых XV столетием, нашли свое отражение тема змееборчества и другие фольклорные элементы.

О древности культа Петра и Февронии и о его достаточно большом распространении свидетельствует не только наличие развитого и вполне отстоявшегося текста „Повести“ к XVI столетию, но и наличие ряда памятников изобразительного искусства, связанных с данным культом. В Муромском краеведческом музее хранится несколько икон Петра и Февронии, датируемых XV столетием. Помимо этого, о широком распространении культа Петра и Февронии за пределами Муромской земли говорит наличие изображения Петра и Февронии на таблетках из Софийского собора в Новгороде, относящихся к XV — началу XVI столетия.

---

[1] Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 287.

[2] В данной статье нет возможности коснуться вопроса об исторических личностях — князе Петре и княгине Февронии. Однако автору представляется более основательным отождествление с князем Петром князя Давида Муромского, княжившего с 1203 по 1228 год, нежели отождествление его с одним из предков князей Овцыных и Володимировых.